

Некоторые
сердца исцеляются
не лекарствами,
а любовью.

ЗЕЛЕЙНИЦА ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА

ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ,
ИСЦЕЛЕНИИ И ВНУТРЕННЕЙ СИЛЕ

Екатерина Семенова Зелейница ее Высочества

<https://litres.ru/74546754>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Королевстве должна состояться помолвка Наследного принца и принцессы из соседнего государства. Для него - это долг перед Короной, для нее - исполнение девичьих грёз. На помощь принцессе приходит мудрая Зелейница, благодаря которой меняется ход не только их романа

Содержание

Легенда о Первой Зелейнице	5
Глава первая. Девочка из лечебного сада	11
Глава вторая. Приглашение во дворец	17
Глава третья. Дворец	21
Глава четвертая. Испытания.	27
I. Церемония помолвки	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Екатерина Семенова

Зелейница ее Высочества

Зелейница ее Высочества.

ПРОЛОГ:

Легенда о Первой Зелейнице

Существует древнее предание, столетиями передающиеся из уст в уста в Королевстве, о котором пойдет повествование. Его шепчут старые нянюшки, рассказывая сказки у камина. Его повторяют матери, укладывая младенцев спать. Его вспоминают старики, когда над страной сгущаются тучи. Оно начинается одними и теми же словами:

«Берегитесь того дня, когда в Королевском Дворце станет леденяще тихо...».

Потому что не всякая тишина рождает мир. Иногда именно она становится первым предвестником беды.

Старинные летописи сохранили множество рассказов о великих войнах. О завоевателях. О голоде. О моровых поветриях. О пожарах, уничтожавших целые города. Но среди пожелтевших страниц есть одна история, которую переписывали чаще остальных.

История о том, как однажды едва не погибло целое королевство, хотя ни один меч не был обнажен. Не загремели барабаны. Не поднялись в поход армии. Не пришёл враг. Беда родилась там, где никто не догадался бы её искать. Между двумя любящими сердцами.

В те годы Королевством правили король Арман и королева Изабелла. Их называли прекраснейшей парой своего времени. Когда они появлялись вместе, придворные говорили,

что само солнце задерживает свой путь по небу, чтобы полюбоваться ими. Он был силён. Она — прекрасна. Он говорил мало, но каждое его слово было значимо и ценно. Она улыбалась так мягко, что люди невольно расслаблялись и успокаивались рядом с ней. Казалось, сами небеса благословили этот союз.

Но люди часто принимают красоту за счастье. А молчание — за согласие. Никто не заметил дня, когда между ними пролегла первая трещина. Такие трещины никогда не возникают внезапно. Они появляются незаметно. Из несказанного слова. Из непрощенной обиды. Из взгляда, от которого отвели глаза слишком быстро. Из молчания, которое однажды показалось легче и лучше так и не произнесенной правды.

Сначала исчезли долгие разговоры. Потом — смех. После этого — доверие. И однажды они стали жить рядом, словно две звезды, сияющие на одном небе, но разделённые бесконечной темнотой.

Король всё чаще принимал решения один. Не потому, что перестал любить королеву. А потому что перестал верить, что она сможет понять его. Королева всё чаще скрывала свои тревоги. Не потому, что перестала доверять супругу, а потому что боялась стать для него тяжестью и обузой. Так между ними поселилось то, что не видно человеческому глазу.

Одиночество. Оно росло медленно. Тихо. Почти незаметно. Как плющ, который сперва ласково обнимает каменную стену, а спустя годы разрушает её до основания.

Говорят, именно тогда начало меняться всё Королевство. Министры стали спорить ожесточеннее обычного. Военачальники перестали доверять друг другу. Судьи всё чаще ошибались. Купцы прятали золото. Матери стали крепче прижимать к себе детей, сами не понимая, отчего их сердца наполняются тревогой. Словно невидимый холод медленно стекал по дворцовым лестницам, выходил за городские стены и расползался по всей земле. И никто не понимал, откуда он приходит.

Когда тревога и ощущение приближающейся беды стали сильнее надежды, король собрал Великий Совет. Семь дней лучшие умы Королевства искали причину происходящего. Одни говорили о заговоре. Другие винили соседние государства. Третьи требовали увеличить армию. Но самый старший из советников, проживший при трёх королях, поднялся со своего места и тихо произнёс:

— Мы ищем болезнь в ветвях дерева. А она давно поселилась в его корнях.

Никто не понял этих слов. Кроме одной герцогини.

Через несколько дней во Дворец приехала незнакомка. Она не носила дорогих одежд. На её руках не сверкали драгоценности. От её плаща пахло дождём, шалфеем и свежей землёй.

Люди говорили, что она знает язык всех растений. Что ей открыты тайны каждого живого существа. Что она умеет возвращать к жизни тех, кого другие уже оплакали. Все были

уверены, что ее призывали лечить королеву.

Едва переступив порог дворца, женщина долго ходила по его залам, почти не задавая вопросов. Она касалась ладонью холодного камня. Останавливалась у окон. Вслушивалась в тишину.

На третий день она попросила собрать весь Совет. Когда все заняли свои места, она долго молчала. Так долго, что присутствующие начали переглядываться. Наконец она подняла глаза. И тихо сказала:

— Я осмотрела королеву. Она здорова. Я осмотрела короля. Он тоже здоров. Значит... Вы пригласили меня лечить не болезни тела...

По залу прошёл недоверчивый шёпот. Женщина спокойно продолжила:

— Иногда болезнь живёт не в теле человека. Иногда она рождается во взаимоотношениях между двумя людьми. И нет недуга опаснее этого. Потому что он способен погубить не одно сердце. А в данном случае - целое государство.

Она медленно подошла к высокому окну. За стеклом шумел старый сад. Листья серебристых лип дрожали под ветром.

— Вы думаете, — сказала она, не оборачиваясь, — что судьбу Королевства определяют мечи. Нет - Меч лишь завершает то, что давно произошло в человеческом сердце. Любая война начинается задолго до первого удара. Она начинается тогда, когда гордость оказывается сильнее доверия. И когда

страх оказывается сильнее любви. Когда два человека перестают разговаривать друг с другом честно и бояться сказать правду, потеряв надежду быть понятыми.

Она повернулась к собравшимся. Ее голос оставался тихим. Но казалось, что стены Дворца запоминают каждое слово.

— Король не может править мудро, если его сердце стало холоднее собственного клинка. Королева не сможет сохранить мир, если её душой управляют смятение и тревога. Потому что чувства правителей незаметно, но неизбежно становятся чувствами всего народа. Если сердце королевы наполнено страхом, однажды страх поселится в каждом доме. Если сердце короля ожесточится, милосердие исчезнет из законов. А когда два сердца, которым доверена судьба страны, перестают биться в согласии...начинает болеть само Королевство.

В тот день родилась новая традиция. Эту женщину не сделали министром. Не назвали придворным лекарем. Ей доверили то, что оказалось важнее любых государственных должностей. Возвращение гармонии и доверия между королем и королевой. Так появилась Первая Зелейница.

Она выращивала целебные травы. Лечила больных. Готовила отвары. Но главным её искусством было другое. Она замечала слёзы прежде, чем они становились отчаянием. Обиду — прежде, чем она превращалась в ненависть. Молчание — прежде, чем оно разделяло судьбы. И каждый новый день

она напоминала правящей чете одну простую истину - *Нельзя сохранить мир в государстве, если внутри собственного сердца идёт война.*

С тех пор возле каждой наследной принцессы и будущей королевы неизменно появлялась Зелейница.

Хранительница королевского лечебного сада. Хранительница покоя. Хранительница сердца и того состояния души ее Величества, от которого и зависит благополучие во Дворце и во всем Королевстве..

И до сих пор, когда в Королевстве рождается новая наследница, самая старая из Зелейниц склоняется над ее колыбелью и произносит древние слова, которые не изменились за эти столетия:

— Пусть твое сердце останется свободным от страха и открытым для любви. Потому что однажды от его покоя будет зависеть мир целого Королевства.

Глава первая. Девочка из лечебного сада

В старых летописях Королевства говорилось, что у каждой великой истории есть место, где она начинается. Иногда это бывает тронный зал, где произносится клятва. Иногда — поле битвы, где решается судьба народов. А иногда — это тихий лечебный сад, самый казалось бы обычный, который есть в каждом поселении, у каждой местной травницы. Но именно там в деревне Листоград, в лечебном саду маленькая девочка впервые слышит голос своей судьбы и встает на свой Путь. Именно так и случилось с Элиф.

Но прежде чем рассказать о ней, нужно рассказать о месте, которое стало ее первым учителем.

О Листограде.

Есть деревни, которые сложно найти на карте, если искать их глазами. Они открываются тем, кто приходит с надеждой.

У подножия Зеленых холмов, где утренний туман поднимается над рекой так медленно, словно не желает покидать землю, стоит небольшая деревня Листоград. Люди упоминали о ней редко, но почти в каждом доме Королевства знали имя её старейшины - госпожи Мирабэль.

В центре деревни рос старый дуб. Его ветви были настолько широкими, что под ними могло укрыться несколько человек. Старики говорили, что он видел больше королей, чем

любой придворный летописец. А рядом с этим дубом начиналась дорога к дому Мирабэль, в конце которой находился ее лечебный сад. Там не было мраморных фонтанов. Не было искусно выстриженных деревьев. Не было и диковинных цветов, привезенных из дальних земель ради восхищения знати. Красота этого места другая. Тихая. Настоящая. Здесь росла лаванда, которая успокаивает беспокойные сердца. Мелисса, возвращающая людям спокойный сон. Розмарин, который Мирабэль называла «травой памяти». Шалфей, который собирали только на рассвете. И десятки других растений, о свойствах которых знали лишь немногие.

Но люди приходили сюда не только за травами. Они приходили потому, что рядом с Мирабэль им становилось легче дышать и снова хотелось жить. И этим она выделялась среди всех травниц Королевства.

Госпожа Мирабэль была женщиной поистине необыкновенной. В Королевстве о ней ходили самые разные истории. Одни говорили, что она знает секреты всех лекарственных растений в мире. Другие утверждали, что она способна услышать боль человека еще до того, как он сам её признает. А некоторые шептали, что ее мудрость старше многих книг в королевской библиотеке. Но сама Мирабэль никогда не соглашалась с подобными словами.

— Люди слишком любят искать чудеса там, где есть только внимание и доброта, — отвечала она.

Она не считала себя волшебницей. Она просто умела ви-

деть то, на что другие не обращали внимания, либо же просто не хотели смотреть.

Её внучка Элиф росла среди трав, старых книг и тихих разговоров. С самого раннего детства она знала : Мир вокруг - Живой, и у каждой вещи есть своя история. У каждого растения. У каждого человека. У каждого молчания.

Каждое утро, ещё до того, как первые лучи солнца касались крыш домов, Мирабэль и Элиф выходили в сад. Девочка шла за бабушкой, неся маленькую корзину. Она любила эти часы больше всего. Пока все ещё спали, казалось, что сад принадлежит только им двоим.

Однажды Элиф спросила:

— Бабушка, почему ты разговариваешь с растениями?

Мираэль улыбнулась.

— Потому что всё живое нуждается в заботе, любви и внимании.

— Но растения тебе не отвечают.

— Отвечают.

Элиф удивлённо посмотрела на неё.

— Просто не словами.

Мираэль сорвала небольшой лист мяты и положила ей в ладонь.

— Запомни, Элиф. Самые важные и сокровенные вещи редко говорят громко, а иногда и вовсе не выражают словами.

Элиф быстро училась всему у бабушки. Она научилась

различать травы, могла определить растение по одному запаху, могла сказать, когда цветок болен, еще до того, как это становилось заметно. Но больше всего ее интересовали и удивляли не растения. А люди. Она замечала то, чего другие не видели. Она видела, что улыбка некоторых людей была слишком красивой, чтобы быть настоящей, они улыбались, хотя были глубоко несчастны. Замечала, что некоторые люди сердились вовсе не потому, что были злы, а их злость часто скрывала обиду. Что грубые слова иногда были всего лишь защитой от боли. И что человек, который громче всех говорил о своем безразличии, чаще всего сильнее всех нуждался в заботе.

Каждый день в дом госпожи Мирабэль приходили люди. Крестьяне, торговцы, путники, солдаты, люди из дворянских семей. Но Мирабэль никогда не открывала шкаф с травами сразу. Она сначала ставила на стол чашку горячего чая, садилась напротив и ждала. И только потом задавала пришедшему необычный вопрос, наподобие:

— Когда ты перестал радоваться утру?

Иногда люди удивлялись. Иногда смущались. Но спустя несколько минут начинали рассказывать совсем не о болезни. Они рассказывали о страхе. О чувстве вины. О потере. Об одиночестве. О словах, которые не смогли простить или не успели сказать.

Элиф долго не понимала, почему бабушка задает именно такие вопросы. Однажды вечером она всё-таки спросила.

Мирабэль улыбнулась.

— Сердце и душа разговаривают с человеком очень тихо. Пока он их слышит, тело молчит. Но если желания и позывы души долго остаются без ответа, однажды начинает говорить тело.

— Бабушка...

— Да?

— Почему после разговора с тобой людям становится легче?

Мирабэль посмотрела на сад. На цветы, которые закрывали лепестки перед ночью. На деревья, которые тихо шумели под ветром. И ответила:

— Потому что самое тяжёлое бремя человека — это то бремя, которое он несёт в одиночку.

Элиф молчала.

— Сердце и душа всегда говорят первыми, — продолжила Мираэль. — Но люди часто слишком заняты, чтобы их услышать, либо ставят другие заботы выше и не придают им большого значения..

— И что происходит, когда они их не слышат?

Мирабэль посмотрела на неё с нежностью.

— Тогда тело начинает говорить за них языком болезней.

Эти слова остались в памяти Элиф навсегда. Хотя в тот вечер она ещё не понимала, насколько важными они станут. Она ещё не знала, что однажды покинет Листоград. Что её Судьба приведет ее не к простым людям, а в самый могуще-

ственный Дворец Королевства. Что ей предстоит стоять рядом с будущей королевой, чье сердце будет потеряно среди страха и долга. Что ей придётся помочь двум людям вспомнить то, что они давно забыли: человек не может подарить любовь другому, пока не научится любить самого себя и быть честным в первую очередь с самим собой...

Но всё начиналось здесь. В небольшом лечебном саду в деревне Листоград. С девочки, которая училась слушать и слышать то, что не было произнесено вслух, но при этом молило быть высказанным и услышанным. Потому что именно те, кто умеет слышать чужую боль, однажды получают силу исцелять целые Королевства.

Глава вторая.

Приглашение во дворец

В те годы имя Элиф, последовательницы госпожи Мирабэль, уже знали далеко за пределами Листограда. Говорили, что молодая травница обладает редким даром и природным талантом. Еще до того, как человек начинал рассказывать о своей болезни, Элиф уже видела ту невидимую рану, из которой она когда-то родилась. Одни считали это магией. Другие — необычайной наблюдательностью.

Тем временем во Дворце происходили перемены. Все чаще душой Королевы Софии овладевало смутное беспокойство. Особенно её тревожила юная принцесса Камила, прибывшая из соседнего Королевства для заключения династического брака с сыном ее Величества, наследным принцем Михаэлем.

Принцесса Камила, которую Королева знала с детства, была очень воспитана и безукоризненно соблюдала дворцовый этикет, никогда не жалуясь. Но опытный взгляд Софии видел то, чего не замечали и не могли знать другие. С самых юных лет Камила любила Михаэля той светлой, почти детской любовью, в которой не было ни ожиданий, ни требований. Так любят не живого человека, а прекрасный образ, созданный мечтами, — героев старинных баллад и рыцарских романов, существующих скорее в воображении, чем в реальности.

Поэтому предстоящий брак был для Камилы исполнением самой заветной мечты и одновременно её самым большим кошмаром. Пока мечта живёт лишь в сердце, она остается прекрасной и безопасно недостижимой. Но когда она вот-вот готова исполниться, появляется липкий страх: «А достойна ли я того счастья, о котором так долго молилась? Полюбит ли меня принц? Или всю жизнь будет жить в безмолвном разочаровании с нелюбимой обузой супругой... » И все эти тревоги и сомнения с каждым днем все больше и больше читались на милом личике принцессы, что не оставалось незамеченным Королевой.

Для наследного принца Михаэля предстоящая свадьба была совсем не исполнением мечты, а исполнением долга перед Коронай. Так его воспитывали с детства. Михаэль не противился этому выбору. К Камиле он относился с безупречной вежливостью и уважением, как этого требовал придворный этикет. Он видел в ней воспитанную и благородную принцессу, подходящую на роль будущей королевы. В его представлении этого было вполне достаточно для брака. Семейное счастье никогда не входило в число обязанностей наследного принца. Михаэль не искал близости с невестой, не пытался узнать ее лучше, не задавался вопросом, о чём она мечтает и чего боится. Ему казалось, что уважение, взаимная учтивость и безупречное исполнение своих обязанностей способны заменить всё остальное. Он собирался стать для Камилы хорошим мужем настолько, насколько этого тре-

бовалось, но не более.

Внешне все выглядело именно так, как и должно было быть и вроде бы все было чинно и спокойно... но...

Королева София была единственная, кто видел опасность, скрытую в этом спокойствии. Она слишком хорошо помнила древнюю легенду о Первой Зелейнице, чтобы считать семейное счастье государей их личным делом. Если рядом с тронном живут лишь долг и привычка, холод неизбежно начинает проникать в стены Дворца. Сначала он рождает отчуждение между двумя людьми, затем — между советниками, после — между целыми землями. Так незаметно ослабевает Королевство.

Королева всё чаще смотрела на Михаэля и Камилу и с тревогой понимала: они были готовы стать супругами по закону, но совсем не готовы стать настоящей семьёй. А если во Дворце не родится счастье, однажды его перестанет хватать и всему Королевству. С этим надо было что-то срочно делать..

Тем вечером Королева закрыла письмо, пришедшее от соседнего монарха, и долго смотрела в окно.

Затем произнесла:

— Государство может заключить союз. Но этого недостаточно , чтобы сделать этот союз счастливым.

На следующее утро по всему Королевству был оглашен новый указ.

Ко Двору приглашались лучшие травницы, ведуньи и хранительницы древнего знания — женщины, о которых гово-

рили, что они умеют врачевать не только тело, но и человеческие души и сердца. Настало время избрать новую Зелейницу её Высочества. Женщину, которой предстояло стать не просто наставницей будущей королевы, а тихой хранительницей того внутреннего равновесия, без которого не бывает счастливой семьи, а значит, и спокойного государства.

Через неделю в Листоград прибыл королевский гонец. Он передал Элиф письмо, запечатанное серебряным воском. Она долго держала его в руках, прежде чем решилась открыть. Внутри было всего несколько строк.

"По воле Её Величества Королевы Софии вы приглашаетесь в Королевский Дворец принять участие в Турнире Зелейниц."

Элиф закрыла глаза. Ей вдруг захотелось, чтобы рядом оказалась бабушка Мирабэль. Ветер тихо шелестел листвой лечебного сада. И ей показалось, будто она вновь услышала знакомый голос:

«Не бойся дороги. Бойся пройти мимо своего Пути.»

Глава третья. Дворец

Королевство отличалось строгой красотой, в которой не было ни излишней пышности, ни нарочитой бедности. Всё в нём казалось выверенным — от линий каменных дорог до холодного блеска дворцовых шпилей. Даже природа, казалось, подчинялась некоему негласному порядку: сады подстрижены с точностью, леса будто отступали перед человеческой волей, а города стояли так, словно были вписаны в землю не рукой человека, а самой историей.

Столица встречала приезжих величественным молчанием. Белый камень Дворца отражал свет так, что в ясный день казался почти ослепительным, а в пасмурный — приобретал оттенок холодного серебра. Ничто здесь не было случайным; даже тишина, казалось, имела свое назначение. Дворец не столько жил, сколько наблюдал. Внешне - это огромный бело-серый комплекс из камня - высокие арки, тонкие башни, стеклянные галереи между крыльями, внутренние сады с редкими лекарственными растениями. Его коридоры были длинны, его залы — безупречно симметричны, и в каждом пространстве чувствовалось присутствие власти, которая не нуждалась в словах, чтобы быть ощутимой.

Внутри - Главный зал- высокий потолок с росписью истории династии, холодный мрамор, эхо шагов, ощущение, что

тебя оценивают. Зал совета - длинный стол из темного дерева, тяжелые кресла, окна с узкими лучами света, атмосфера давления и решений. Высокие потолки отражали каждый звук. Мраморные полы были отполированы так тщательно, что в них отражалось небо.

И всё же в этом совершенстве было нечто утомительное — как будто само величие требовало от каждого, кто входил сюда, нести на себе невидимую тяжесть.

Для Элиф дворец оказался именно таким, каким она представляла его в детстве. Величественным. Безупречным. И удивительно одиноким.

Контраст всему дворцу - Лечебное крыло: дерево, стекло, травы

запах мяты, лаванды и сушёных растений, мягкий свет, тишина без напряжения...

Именно сюда и прибыли одиннадцать претенденток на роль будущей Зелейницы ее Высочества. Каждая из участниц носила одежды своего края. Каждая была известна своим мастерством. Каждая была убеждена, что именно она станет новой Хранительницей королевской семьи. Кроме Элиф, она чувствовала себя здесь чужой. Она не умела говорить о своих знаниях и не стремилась производить впечатление. Ей казалось, что рядом с этими женщинами она знает слишком мало.

Вечером, прогуливаясь по главному дворцовому саду, она остановилась перед старым дубом и, прикрыв глаза, медленно вдохнула прохладный воздух, словно надеясь вместе с ним обрести ясность мыслей.

— Вы тоже скучаете по дому? — раздался за её спиной тихий женский голос.

Элиф обернулась.

Перед ней стояла принцесса Камила. Её лицо невозможно было не узнать: их портреты с наследным принцем Михаэлем украшали парадные залы дворца и были известны каждому, кто хоть раз переступал его порог.

Камила не принадлежала к тем женщинам, чья красота заявляет о себе сразу. Её можно было бы назвать скромной, если бы в этом слове скрывалось нечто большее, чем простота. Её лицо отличалось мягкостью черт, в которых не было ни резкости, ни высокомерия. Светлые волосы, собранные с почти чрезмерной аккуратностью, подчеркивали ее сдержанность, а глаза — внимательные, но часто опущенные — выдавали привычку скорее наблюдать, чем быть замеченной. В её присутствии ощущалась странная деликатность: она будто старалась занимать как можно меньше пространства, не потому что не имела права на него, а потому что не была уверена в этом. И всё же те, кто наблюдал за ней дольше нескольких минут, начинали замечать иное: не слабость, а необычайную чуткость, не робость, а постоянную внутреннюю осторожность, словно каждое слово и каждый

жест она заранее взвешивала на невидимых весах. И сейчас Элиф смотрела на неё не как на будущую супругу наследника, а как на молодую девушку, которая очень старалась казаться счастливой.

Их первая беседа затянулась далеко за пределы приличий, дозволенных дворцовым распорядком. Казалось, Камила вовсе не торопилась расставаться с новой знакомой. Она расспрашивала Элиф обо всем на свете и слушала с таким неподдельным вниманием, что время пролетело незаметно для обеих.

Принцесса сидела на садовых качелях, подавшись вперед, и ловила каждое слово травницы :

— Вы говорите, что корень пиона может унять даже самую черную тоску? — с любопытством спросила Камила, глядя на указанный травницей цветок.

Элиф почтительно, но уверенно кивнула:

— Да, ваше Высочество. А также Melissa и синеголовник, собранные на рассвете. В нашем лечебном саду в Листограде мы поим этим отваром тех, чье сердце потеряло покой.

— Листоград... — принцесса ласково повторила это слово, словно пробовала его на вкус. — Расскажите мне, пожалуйста о нем, Элиф, если вам, конечно, не трудно, - она скромно улыбнулась, не желая казаться слишком навязчивой, - Каковы они — люди, живущие так далеко от дворцовых стен и придворных интриг?

— Они просты, ваше Высочество, — улыбнулась травни-

ца, видя неподдельный интерес в глазах принцессы. — Их руки пахнут землей и хлебом, а помыслы открыты. Каждый листоградец ищет свой путь не в интригах, а в труде и согласии с тем, что дает нам природа.

Камиле явно понравился ответ, и она едва слышно повторила последние слова Элиф, словно запечатлевая их в памяти.

И в этот момент за принцессой пришла фрейлина, напомнив о предстоящем ужине, и им пришлось прервать разговор.

Провожая Камилу взглядом, Элиф невольно улыбнулась. За воспитанной сдержанностью принцессы она успела разглядеть не слабость, а сердце, слишком долго привыкшее заслуживать расположение окружающих. И в ту минуту она поняла: её приглашение во Дворец неслучайно. Помочь этой девушке стать счастливой казалось для травницы уже не просто обязанностью, а искренним желанием.

Камила была искренне добра и внимательна. Она была готова поставить чужие чувства выше собственных. Это можно было понять из ее восторженного рассказа о том, как ей удалось порадовать свою матушку, а также быть полезной Королеве Софии и принцу Михаэлю. Еще принцесса успела несколько раз извиниться перед Элиф за свою навязчивость и пыталась пересадить ее на свое место на садовых качелях, а самой занять табурет.

Да, Камила была крайне мила и добра, но за этой добротой

скрывалась глубокая неуверенность в себе. Элиф стало ясно, что принцесса выросла с убеждением, что хорошее отношение и любовь нужно заслуживать. Поэтому она так сильно старается быть удобной, полезной и безупречной. Камилла слишком часто извиняется — считая что не имеет право просто пользоваться благами и удобствами этого мира . Просит разрешения там, где имеет полное право действовать.

При этом в ней не чувствуется ни капли лицемерия. Ее доброта не является способом получения выгод для себя — она действительно хочет, чтобы рядом с ней людям было спокойно и хорошо. Однако именно это желание превращается в зависимость от чужого одобрения. Малейшее проявление недовольства заставляет ее сомневаться в собственной ценности - так суровый вид фрейлины, пришедшей за принцессой, явно выбил последнюю из колеи и вызвал в ней чувство вины..

Принцесса предъявляет к себе гораздо более высокие требования, чем к окружающим, и очевидно никогда не считает себя достаточно хорошей.

“И я должна помочь этой замечательной милой принцессе на пути ее становления и будущего Величия ” - заключила Элиф, решив во чтобы то ни стало остаться во Дворце.

Глава четвертая. Испытания.

Испытание внимания.

Утренний Зал Совета тонул в густых тенях, сквозь которые пробивались косые лучи солнца. На возвышении, словно безмолвные судьи, замерли Королева София и ее верная фрейлина госпожа Аделина.

Испытание началось без предупреждения. Перед каждой из девушек посадили незнакомца. Время пошло. Девушки бросились действовать: хватали мужчин за запястья, считая пульс, заставляли открывать рот, сыпали вопросами.

Элиф не двинулась с места. *«Вспышка лихорадки, бледность... это лишь следствие, — думала она, вглядываясь в осунувшееся лицо мужчины напротив. — Где кроется сама причина?»*

Ее взгляд упал на его дрожащие руки. Мужчина то и дело бережно касался своего безымянного пальца, словно растирая его на основании. Элиф продолжала смотреть. На пальце осталась светлая полоса от венчального кольца. Теперь кольца не было, но фантомная привычка осталась. Он ласкал пустоту, пытаясь согреть то, чего уже не вернуть.

«Он болен прошлым, — обожгла Элиф внезапная мысль. — Его губит утрата».

— Что открылось тебе? — голос Королевы разрезал тишину.

Элиф подняла глаза, встретившись с пристальным взглядом.

— Его тело устало скорбеть, — твердо произнесла она.

По залу пронесся едва слышный вздох. Королева едва заметно изменилась в лице. Спустя минуту свидетели подтвердили: этот человек угасал без видимых причин с самого дня похорон своей супруги.

Королева София не сводила с Элиф пристального, глубокого взгляда.

— Порой болезнь - это застывший крик любви, оставшийся без ответа. .

Королева еще более внимательно посмотрела на Элиф.

Испытание молчания.

Второй день испытаний принес в Зал Совета давящую тишину. Вместо грозных судей на середину мраморного зала вывели маленькую девочку. Она казалась хрупкой тенью: застывшая, с пустым взглядом, устремленным в пол. От нее не исходило ни звука.

Воздух в зале накалился. Претендентки пустили в ход всё свое красноречие. Одни наперебой осыпали ребенка вопросами, пытаясь нащупать спрятанную тайну. Другие примеряли маски шутов, пытаясь вызвать улыбку. Третьи завели сладкие, убаюкивающие сказки. Но девочка оставалась глуха и слепа к их показному теплу, словно замурованная в невидимой ледяной крепости.

Когда подошла очередь Элиф, в зале воцарилось напря-

женное ожидание. *«Слова для нее — лишь шум, который причиняет боль, — промелькнуло в мыслях Элиф. — Ей нужен не допрос. Ей нужно безопасное пространство».*

Элиф не произнесла ни слова. Она опустилась прямо на холодный пол, оказавшись с ребенком на одном уровне. На глазах у изумленных зрителей девушка достала из кармана моток ярких, цветных нитей. Не обращая внимания на шепот соперниц, она принялась медленно, завораживающе плести тонкий узорный браслет. Ее пальцы двигались плавно, создавая ритм, который манил сильнее любых заклинаний.

Прошла минута. Другая. Зал затаил дыхание.

Вдруг случилось то, чего никто не ожидал. Девочка, словно замороженная танцем пальцев Элиф, сделала робкий шаг вперед. Ее крошечная ладонь потянулась к клубку, и она осторожно перехватила одну из свободных нитей.

Еще мгновение хрупкой тишины, и над залом пролился чистый, едва слышный голосок:

— Можно я помогу?

На бледном лице ребенка расцвела первая, робкая улыбка. Королева София подалась вперед, и в ее глазах мелькнуло торжество — Элиф снова подобрала ключ там, где другие ломали замки.

Испытание выбора.

Третий день принес с собой запах безысходности и железа. На этот раз Зал Совета превратился в лазарет, где на двух ложах решалась судьба человеческих жизней. На одном по-

коился седовласый учитель, чей разум хранил летописи поколений, на другом — совсем юный солдат с разорванной в бою грудью.

А посреди комнаты, на мраморном постаменте, одиноко мерцал хрустальный флакон. В нем покоилась лишь одна порция редчайшего эликсира.

— Снадобье подарит жизнь лишь одному. Выбирайте, — ледяной приговор повис над головами претенденток.

Зал взорвался прагматичными спорами. Девушки без колебаний бросились вершить чужие судьбы. Одни хладнокровно взвешивали возраст, другие с пеной у рта доказывали пользу молодого бойца для Короны, третьи судорожно цитировали сухие параграфы лекарственных уставов. Каждый ответ казался безупречным, но от них веяло могильным холодом.

Элиф не двигалась. Она переводила взгляд с угасающего лица старика на мечущегося в лихорадке юношу. *«Нас заставляют играть в богов...»*.

Она сделала шаг вперед, нарушая стройный хор голосов:

— Почему никто из вас не предложил разделить эликсир поровну?

В зале мгновенно оборвались все споры. Судьи переглянулись с явным пренебрежением.

— Половина дозы потеряет всякую силу, — высокомерно отчеканил придворный лекарь. — Это погубит обоих.

— Возможно, — Элиф подняла голову, и ее глаза встретились со взглядом Королевы. — Но половина дозы подарит

каждому из них еще одну ночь. Ночь, которую мы проведем у их постелей, борясь за их жизни всеми силами наших знаний и умений. Долг Зелейницы — сражаться за каждую душу до последнего вздоха, а не вершить чужие судьбы.

Слова Элиф хлестнули по залу сильнее пощечины. Наступила оглушительная тишина. Королева София медленно опустила взгляд, пряча внезапное волнение.

Принцесса.

Финальное испытание перенесло претенденток в святая святых Дворца — личные покои принцессы Камилы, невесты наследного принца Михаэля, ради которой и был устроен этот турнир. Эта комната, заставленная роскошными дарами от будущего супруга и Короны, казалась золоченой клеткой. Юная принцесса увядала у всех на глазах под неподъемным грузом ожиданий королевской семьи. Девушкам дали ровно один час, чтобы завоевать доверие будущей супруги принца и найти корень ее загадочной меланхолии.

Зал наполнился суетой и шумом. Девушки наперебой предлагали свои лучшие средства: одни приносили драгоценные заморские настои, чтобы вернуть румянец будущей королеве, другие составляли рецепты укрепляющих сборов для свадебных торжеств, третьи рассуждали о правильном сне и прогулках, необходимых для сохранения сил. Они лечили принцессу как дорогую фарфоровую куклу, забывая, что перед ними — живая, испуганная девушка.

Элиф вошла последней. Несколько минут она просто сто-

яла в стороне, бережно вглядываясь в бледное лицо Камилы, запертое в броню чужих надежд.

«Все они видят в ней лишь будущую жену принца Михаэля и фасад династии, — подумала Элиф, делая шаг вперед. — Но никто не замечает, как сильно ее тяготит этот статус идеальной невесты».

Она плавно опустилась рядом и, нарушая строгий этикет Дворца, мягко, едва ощутимо прикоснулась пальцами к холодной руке принцессы.

— Ваше Высочество... — тихо позвала Элиф, и ее голос прозвучал как глоток чистого воздуха. — Как у вас дела? Только по-честному...

Камила по привычке вскинула голову, готовясь натянуть безупречную, отрепетированную улыбку, которой от нее ждал двор. Но искренняя теплота, исходившая от Элиф, и этот простой вопрос без капли лести пробили ее защиту. Наследница осеклась, ее фальшивая улыбка растаяла, а плечи бессильно опустились. Впервые она позволила себе слабость.

— Я... я так безумно устала, — сорвался с ее губ едва слышный, болезненный вздох.

Элиф не стала давать никаких лекарственных советов. Она лишь чуть крепче сжала ее ладонь, делясь своим спокойствием:

— Иногда самое большое мужество — позволить себе быть неидеальной. Даже если завтра вам предстоит разде-

лить престол.

Время вышло слишком быстро. Но когда Элиф уже стояла у дверей, Камила вдруг подалась вперед и шепотом, в котором звенела отчаянная надежда, спросила:

— Когда вы еще ко мне придете?

За дверью, в тени коридора, Элиф ждал пристальный взгляд Королевы Софии. Теперь правительница точно знала, кто станет опорой для ее сына и его будущей жены. Исход этого турнира был предрешен.

Ключ от доверия

В сумерках королева пригласила Элиф в уединенное крыло дворца, хранящее дух ушедших веков. Они безмолвно ступали по длинным галереям, пока не замерли перед тяжелой дубовой дверью, надежно укрытой от чужих глаз за старинным гобеленом.

Внутри небольшой потайной комнаты на каменном постаменте покоился древний ларец. Королева повернула в замке серебряный ключ, и крышка с тихим вздохом приоткрылась. На выцветшем бархате лежали реликвии: старинный ключ, тонкий перстень Первой Зелейницы и хрупкая веточка засушенного серебряного цветка — вечного символа надежды.

Королева осторожно коснулась холодного металла.

— Многие верят, будто этот ключ отпирает все двери, — негромко произнесла правительница. — Но истина глубже. Он напоминает о главном. Каждая Зелейница получает доступ не к замкам и дверям. Ей вверяется ключ к челове-

скому доверию и сокровенным тайнам. И этот дар никогда не принадлежит ей целиком. Его доверяют ей лишь на время.

Элиф безмолвно опустилась на колени, склонив голову. Королева мягко коснулась ее плеча прохладным серебром и произнесла слова древней клятвы, наполнившие комнату торжественным эхом:

— С этого дня ты нарекаешься Зелейницей её Высочества. Ты станешь оберегать покой будущей королевы, но никогда не посмеешь подчинить себе ее волю. Ты обязуешься говорить правду, даже если ее откажутся слушать. И ты будешь помнить, что чужая уязвимость доверена тебе лишь до поры. Величайшей наградой для тебя станет день, когда человек, которому ты помогла, больше не будет нуждаться в твоей руке. Потому что обретет собственную силу.

Элиф подняла глаза, и в этот миг в ее памяти ожили давние наставления бабушки Мирабэль. Истинное призвание Зелейницы — не в том, чтобы стать незаменимым лекарством. Ее удел — бережно вести за руку лишь до тех пор, пока человек снова не научится твердо стоять на ногах. Именно в этой свободе и рождается настоящее исцеление

Глава пятая.

Первый урок. «Вы не должны заслуживать любовь»

I. Церемония помолвки

Главный церемониальный зал королевского Дворца был

создан не для того, чтобы восхищать роскошью. Он был создан, чтобы внушать почтение. Высокие своды, уходившие в полумрак, казались настолько недостижимыми, словно поддерживали не крышу, а само небо. Белый мрамор отражал холодный свет сотен восковых свечей, отчего всё вокруг приобретало серебристый оттенок. Ни одной лишней детали, ни одной вызывающей роскоши. Каждая колонна, каждая лепная ветвь, каждый витраж существовали здесь не ради красоты, а ради порядка. Во Дворце любили говорить, что истинная власть никогда не кричит о себе. Она молчит. И именно этим внушает страх.

По обе стороны длинного прохода стояли представители древнейших родов Королевства. Герцоги, графы, маркизы, министры, генералы. Их одежды сверкали золотым шитьем и драгоценными камнями, но лица оставались почти неподвижными. Они пришли не разделить радость молодых. Они пришли увидеть будущую королеву. И решить, достойна ли она.

Камила чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Она ещё не вошла в зал, а сердце уже билось так сильно, что казалось, его стук услышат придворные музыканты.

— Ваше Высочество, — тихо произнесла пожилая камеристка, расправляя складки ее платья. — Глубокий вдох.

Камила послушалась. Платье цвета жемчуга мягко облегло её фигуру. Серебряная вышивка на рукавах повторяла узор цветущих веток миндаля — символа новой весны.

Волосы были собраны так тщательно, что ни один локон не смел нарушить совершенства причёски. Она выглядела безупречно. И чувствовала себя совершенно потерянной.

— Всё будет хорошо, — прошептала камеристка.

Камила улыбнулась. Эта улыбка тоже была выучена. Спокойная. Сдержанная. Та, которая никого не тревожит.

Двери распахнулись. Глашатай ударил жезлом о пол.

— Её Высочество принцесса Камила!

Она сделала первый шаг. Затем второй. Третий. Шелест платья разносился по залу громче собственных мыслей. И вместе с каждым шагом десятки взглядов поднимались ей навстречу. Кто-то смотрел с любопытством. Кто-то — с холодным расчётом. Кто-то уже заранее искал недостатки. Слишком юна. Слишком мягкая. Слишком тихая. Она почти слышала эти невысказанные слова.

«Не оступись. Не ошибись. Не дай им повода.» Ее пальцы непроизвольно сжались. "Улыбайся." Так её учили. "Держи плечи." Так её учили. "Не позволяй никому увидеть твой страх." Так её учили тоже.

У подножия трона уже стоял наследный принц. Михаэль. Ее мечта, ее идеал, ее Принц. Он стоял неподвижно и производил впечатление человека, рядом с которым становилось тише. Высокий. Широкоплечий. В тёмно-синем мундире с серебряным шитьем, почти лишенном украшений. Казалось, он сознательно избегал роскоши там, где другие искали возможность подчеркнуть свое положение. Его лицо нельзя бы-

ло назвать красивым в привычном смысле. Слишком четкая линия подбородка. Слишком прямой нос. Слишком спокойный взгляд. Но именно эта сдержанность заставляла людей невольно выпрямляться в его присутствии, а у Камиллы вызывала дрожь в коленях.

Когда принцесса приблизилась, он посмотрел на неё. Всего на мгновение. Его глаза были удивительно холодными. Не безразличными. Именно холодными. Так смотрит человек, привыкший сначала думать, а уже потом чувствовать. В этом взгляде не было неприязни. Но не было и тепла. Лишь спокойная оценка. Он слегка склонил голову.

— Ваше Высочество.

Голос ровный, негромкий. Без малейшей попытки произвести впечатление или понравиться собеседнику.

— Ваше Высочество, — ответила она так же тихо.

Для окружающих они выглядели безупречно. Двое молодых людей, достойных занять трон. Никто не обращал внимание на то, что они были совершенно чужими друг другу, и что принцессе больше всего в этот момент, глядя в бесстрастные глаза принца, хотелось рыдать от отчаяния своей неразделенной любви и угасающих несбыточных надежд.

Верховный канцлер с тихим шорохом развернул пергамент. Его сухой, лишенный всяких эмоций голос тяжелым эхом покатился под высокими сводами зала. В его торжественной речи чеканились нерушимые союзы, вечный мир, священный долг и незыблемое будущее государства. В этом

безупречном перечне чужих надежд ни разу не прозвучало слово «любовь».

Когда настал миг обменяться помолвочными кольцами, принц Михаэль осторожно взял Камилу за руку. Его ладонь оказалась неожиданно теплой, и принцесса едва заметно вздрогнула от этого мимолетного контраста. Наследник наверняка ощутил эту дрожь, но его лицо осталось непроницаемой маской. Тонкий ободок из белого золота легко скользнул на ее палец.

Теперь наступила ее очередь. Пальцы девушки предательски задрожали. *«Только бы не выпустить... Только бы выстоять»*, — молила она про себя. Осторожно, затаив дыхание, она надела кольцо на руку принца. На долю секунды ее кожа коснулась его запястья. Михаэль не отстранился, но и не позволил себе задержать ее пальцы дольше, чем того требовали строгие рамки приличий.

Глашатай с грохотом ударил по мрамору тяжелым позолоченным жезлом:

— По воле ее Величества и с согласия Совета Королевства объявляется о помолвке наследного принца Михаэля и принцессы Камилы!

Пространство лавиной заполнили рукоплескания. Они звучали размеренно, чинно, почтительно. Так не приветствуют влюбленных, так рукоплещут удачной сделке и выверенному политическому союзу.

Камила продолжала держать безупречную осанку. Ей ка-

залось, что от этой натянутой улыбки уже немеют губы. Торжественные марши превратились для нее в невнятный гул, а лица гостей слились в безликую массу. Она кожей ощущала удушающий груз сотен взглядов.

И вдруг, посреди этого блестящего фальшью великолепия, ее взгляд выхватил фигуру, стоявшую чуть поодаль у колонны. На женщине было простое платье цвета молодой листвы — без гербов, кружев и фамильных камней. Но она оказалась единственной в этом зале, кто не взвешивал ценность будущей королевы. Она просто смотрела. Спокойно. Понимающе. В ее глубоких глазах не было ни зависти, ни показного восхищения. Только тихое сочувствие. Элиф. Новая Зелейница едва заметно наклонила голову, и этот безмолвный жест расшифровывался яснее любых слов: *«Я вижу, как вам страшно. И я здесь»*.

И впервые за этот бесконечный день Камила ощутила, как ледяные оковы страха отступают. В этих чужих стенах наконец появился человек, перед которым ей больше не нужно было играть роль или держать лицо.

II. Завтрак после помолвки

Утро после помолвки расцвело пронзительной, кристальной ясностью. Солнечные лучи упрямо пробивались сквозь высокие стрельчатые окна восточной галереи, разрезая холодный мрамор пола на золотые полосы. Казалось, сама природа оставалась слепа к тому, что за этими стенами праздник увял, так и не успев начаться.

Дворец не прощал долгих торжеств. Накануне вечером здесь заключались судьбоносные союзы, а уже на следующее утро они безжалостно встраивались в строгий придворный распорядок.

Ровно в девять часов камердинер безмолвно распахнул тяжелые створки Малой гостинной. Это уединенное помещение дышало непривычным уютом: светлые стены согревали старинные гобелены с цветущими садами, а посреди комнаты стоял длинный стол из темного орехового дерева, накрытый всего на две персоны.

Их первый совместный завтрак. Без торжественных маршей, без толпы льстивых вельмож и заученных речей. Только они двое. И звенящая, давящая тишина.

Камила замерла на пороге, не решаясь сделать шаг. Ей вдруг открылась пугающая истина: вчерашние сотни оценивающих глаз были сущим пустяком по сравнению с присутствием одного-единственного человека, который ждал ее сейчас внутри, и чье мнение было для нее намного весомее мнения всего Двора. Какое впечатление она сейчас на него произведет, оказавшись с ним наедине без отвлекающих внимание факторов.” *Вдруг он подумает, что я недостаточно воспитана, если я перепутаю прибор или очередность блюд... Или что я недостаточно образована и умна, если он поднимет тему о политике или истории, в которой я плохо разбираюсь... Или наконец то он рассмотрит меня повнимательнее, и поймет, что я недостаточно красива...*”

Принцесса была уже близка к панике, когда услышала шаги приближающегося слуги и силой заставила себя идти вперед.

Принц Михаэль уже сидел за столом. Перед ним лежали бумаги, исписанные его аккуратным ровным почерком. Стоило Камиле переступить черту комнаты, как он мгновенно поднял взгляд.

— Доброе утро, Ваше Высочество.

— Доброе утро.

Наследник поднялся. С безупречной, отточенной годами грацией он отодвинул для нее тяжелый стул. В этом движении сквозило идеальное воспитание — настолько выверенное и холодное, что в нем не оставалось места для простого человеческого тепла. Все в его поведение было подчеркнуто чинным, идеальным и поверхностным.

Камила скользнула на сиденье, со страхом ощущая близость своего будущего супруга, которая ее сильно будоражила и безумно пугала. Она боялась его, боялась панически. Боялась вызвать осуждение, боялась его критики, но больше всего она боялась увидеть разочарование в его глазах и последующее безразличие.

— Благодарю вас...

Лакеи бесшумно, точно тени, заскользили вокруг них, расставляя фарфоровые блюда. Аромат теплого хлеба, янтарного меда, домашнего сыра и запеченных яблок смешался с терпким запахом травяного чая.

Несколько минут комнату наполнял лишь едва слышный,

одиноким звон столовых приборов. Камила чувствовала, как невидимая струна напряжения между ними натягивается сильнее, угрожая вот-вот оборваться.

«*Нужно что-нибудь сказать*», — отчаянно забилась мысль в ее голове, — *“ иначе он сочтет меня глупой и неинтересной”*.

Камила всю ночь провела без сна, выстраивая в мыслях безупречный образ идеальной невесты. Быть кроткой. Внимательной. Легкой и приятной в беседе. Она обязана понравиться Михаэлю. Иначе все ее мечты и надежды на взаимную любовь и счастье будут разрушены... Она оборвала себя, не позволив темной, пугающей мысли обрести форму.

— Надеюсь, вы хорошо спали, Ваше Высочество? — робко нарушила она тишину.

Михаэль медленно поднял на нее глаза.

— Благодарю. Вполне.

Его ответ прозвучал сухо. Без тени грубости, но и без малейшего желания развернуть нить разговора.

Камила испуганно поспешила заштопать образовавшуюся прореху в тишине:

— Во Дворце невероятно красиво в утренние часы.

— Да.

И снова в столовой воцарилось ледяное безмолвие. Принцесса кожей ощутила, как к горлу подступает паника. «*Он считает меня пустой и скучной. Я несу сущую глупость. Нужно исправить это, увлечь его!*» — уговаривала она се-

бя. Ее пальцы до белизны в суставах сжали хрупкий фарфор чашки.

— Я слышала, что вы провели немало времени в путешествиях по северным провинциям.

— Приходилось.

— Наверное... это край удивительных открытий?

— Иногда.

Она поспешно улыбнулась. Слишком быстро, слишком неестественно и старательно

— Простите мне мою навязчивость... должно быть, я утомляю вас расспросами. Вам явно сейчас не до меня, вы занимаетесь государственными делами, они важнее.. Извините..

Михаэль впервые отложил приборы и по-настоящему внимательно, в упор посмотрел на нее.

— Вам не за что извиняться, Ваше Высочество. Если вы желаете побеседовать, я весь во внимании.

Принцесса еще больше растерялась под этим прямым, пронизательным взглядом.

— Я... Неважно ... Если вам привычнее завтракать в уединении собственных мыслей, я ни в коем случае не стану докучать вам.

— Я действительно привык к тишине.

— Конечно, — послушно кивнула она, — Если вам так удобнее... Извините..

Принц вновь устремил на нее взгляд, полный тихого недо-

умения — он впервые заметил, как она робка и не уверена на самом деле. Откуда в ней это бесконечное, покорное согласие? Ведь он не требовал от нее молчания, не возводил запретов, а лишь честно ответил на вопрос. Но Камила, словно страшась сделать неверный шаг, перекраивала каждое свое движение на ходу, будто отчаянно пыталась угадать и исполнить его непроизнесенные желания.

Лакей бесшумно поднес плетеную корзину со свежей выпечкой. Михаэль равнодушно взял ломтик ржаного хлеба. Камила потянулась было к пышной, ароматной булочке с корицей — ее пальцы почти коснулись теплой глазури. Но, заметив выбор суженого, она испуганно отдернула руку. Мгновением позже она покорно потянулась за точно таким же грубым ржаным хлебом.

Принц молча наблюдал за этим маневром. Его темные глаза сузились, улавливая эту едва заметную игру уступок.

— Вам не по вкусу местные булочки? — негромко спросил он, и в его голосе проскользнули новые, вкрадчивые нотки.

Камила удивленно вскинула голову:

— Отчего вы так решили, Ваше Высочество?

— Я видел, как вы потянулись за одной, но резко передумали и отдали предпочтение ржаному хлебу..

Она смущенно опустила ресницы, а на ее губах промелькнула виноватая улыбка.

— Просто... — девушка скользнула взглядом по его блю-

ду. — Вы ведь его взяли.

Михаэль замер, несколько секунд переваривая ее слова. Атмосфера в столовой мгновенно накалилась.

— И что с того?

— Я подумала... возможно, мне не стоит сегодня есть сладкого.

Наследник смотрел на нее так, словно перед ним была не будущая королева, а испуганная маленькая девочка, дрожащая под его взглядом.

— То есть вы лишили себя того, что вам хотелось, чтобы порадовать меня сходством наших вкусов?

Ее щеки мгновенно опалило жаром.

— Это сущие пустяки, не имеющие значения.

— Отчего же?

— Мне совершенно все равно.

Принц спокойно отложил серебряный нож. Этот жест заставил Камилу затаить дыхание.

— Вам действительно все равно, Камила?

Она собиралась выпалить привычное «да», но внезапно осеклась. Любила ли она сдобную выпечку с корицей? Любила. Без памяти, с самого раннего детства. Но за долгие годы ее научили, что собственные желания — это опасная роскошь. Стоит ли поднимать шум из-за глупых мелочей перед мужчиной, в которого она с детства влюблена и который вскоре станет ее мужем?

— Я неприхотлива в еде, — тихо отозвалась она.

— Я спрашивал совсем не об этом.

Камила покорно склонила голову, спасаясь от его пронизательного взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.